

Мери Дуглас

Окружающая среда и риск*

Когда ученый хочет донести до публики нечто важное, он сталкивается с проблемой недоверия. Как заслужить доверие? Эта извечная проблема религиозного вероучения стала теперь предметом заботы экологов. Грубо говоря, те же условия, которые влияют на принадлежность к вероисповеданию, воздействуют на верования (belief)** в любой специфической среде. Следовательно, в циклах лекций по экологии социальный антрополог имеет все основания задаваться именно этим вопросом. Нас должно интересовать, как возникают и поддерживаются верования. Для нас самих первобытные представления об окружающей среде в этом отношении подобны зеркалу. Ставя себя в один ряд с первобытными сообществами, мы можем попытаться восстановить картину глазами антрополога с Марса. Будем считать, что он бы придерживался непредвзятой позиции. Но сегодня, чтобы оставаться верными теме лекции, нам предстоит самим проделать этот сложный трюк: отстраниться от всего, что мы знаем о нашей окружающей среде – не забывая об этом знании, но относясь к нему скорее как к научной фантастике. Чтобы решить фундаментальную проблему доверия (credibility), давайте, подобно инопланетному антропологу, ненадолго прекратим верить.

Наша цивилизация – далеко не первая, которая понимает, что окружающая среда в опасности. Так же считают и обитатели первобытных сообществ, хотя, конечно, сами угрозы не идентичны. Мы в настоящее время обеспокоены перенаселением. Их же, напротив, зачастую беспокоит проблема вымирания и опустошения. Но мы ищем виновных и перекладываем ответственность точно так же, как и они. Человеческая глупость, ненависть и жадность подвергают окружающую среду опасности всегда и повсюду. Но, в отличие от первобытных племен, мы способны осознавать себя, помещая свои представления в общую феноменологическую перспективу, т.е. мы можем сравнивать свои верования с первобытными. Именно поэтому наша ответственность приобретает дополнительное измерение. Самопознание – тяжкая ноша. Я попытаюсь показать, что наша тревога отчасти объясняется утратой своего рода шор, защитных механизмов, которые ограничивали восприятие источников знания.

Прежде всего, сравним экологическое движение с другими, относящимися к различным историческим периодам. Один из примеров, который приходит в голову, – движение вековой давности за отмену рабства. Аболиционисты преуспели в том, что революционизировали представление о человеке. Аналогично экологическое движение способствует изменению представления о природе. Оно преуспеет в подъеме общественного мнения, благодаря которому устанавливается строгий контроль над злоупотреблениями в сфере окружающей среды. Каждое

---

* Лекция, прочитанная в Институте современного искусства (Institute of Contemporary Arts) в Лондоне, в октябре 1970 г. Переведено по изданию: Douglas M. *Environments at Risk // Implicit Meanings: Essays in Anthropology*. London/Boston: Routledge and Kegan Paul, 1975. P. 230-248.

© Чурюмова Д., 2007.

© Центр фундаментальной социологии, 2007.

** Здесь и далее мы переводим английский термин «beliefs» как «верования», опираясь на устоявшуюся в антропологической традиции практику перевода. При этом следует отметить, что речь не идет о «слепой вере», которой противопоставляется ясное и доказуемое знание. В теоретической перспективе М. Дуглас преодолевается сама оппозиция «рациональное-иррациональное», поскольку явления, привычно атрибутируемые одному или другому полюсу, рассматриваются как рядоположенные символические процессы. Более нейтральный вариант «убеждения» может показаться предпочтительным, поскольку М. Дуглас делает акцент именно на убедительности и достоверности тех или иных символических конструкций. Однако мы предпочли сохранить лексическую преемственность с исходной для данной теоретической перспективы антропологической проблематикой. – *Прим. ред.*

конкретное загрязнение* будет сопровождаться жесткими санкциями. Эти изменения неизбежны по тем же причинам, что и успех движения аболиционистов: отчасти в силу подвижничества, но в основном потому, что пришло время. В XIX веке во многих странах рабство становилось более затратным, чем наемный труд¹. Я сомневаюсь, что в противном случае движение за отмену рабства оказалось бы успешным. Там, где это было не так, все доводы о братской любви, христианстве и гуманности не приносили плодов. Конечно, Клепхэмская секта отказалась от сахара, протестуя против рабства на плантациях. По аналогичной причине мои друзья отказались от южноафриканского хереса. Это менее впечатляющая жертва, поскольку есть более качественные хересы. Но те из нас, у кого нет машины, способствуют прекращению загрязнения окружающего пространства выхлопными газами ничуть не больше, чем Клепхэмская секта, на йоту уменьшившая долю сахара в национальной диете. Волна общественного мнения против рабства не была направлена против промышленного развития. И волна общественного мнения, которая уменьшит наиболее тяжелые последствия загрязнения, не сдержит индустриальное развитие. В этом заложен ключевой момент экологических проблем, который уводит их далеко за грань неудобств от загрязнений воды и воздуха и от растущего шума. Экологи должны были расширить свои перспективы до глобального уровня. Их мрачные прогнозы относительно неотвратимого конца нашей планеты отводят нам, неспециалистам, роль беспомощного героя триллера. Нас ожидают несколько ужасных смертей. Время покажет, будет ли Земля сожжена вследствие нарушения баланса радиации, заслонит ли облако пыли солнечные лучи или же планета будет уничтожена в ходе атомной войны. Перенаселение и чрезмерный рост промышленности взаимосвязаны. Однако здесь пролегал дилемма. Перенаселенные и умирающие от голода человеческие сообщества располагаются в промышленно отсталых регионах. Надежды на их пропитание связаны с новыми технологиями. Но эти технологии производятся в индустриально развитых странах. Должны ли мы остановить развитие науки, которая в один прекрасный день решит проблему голода? Как нам контролировать численность населения? И с кого именно нужно начать? Надпись на огромном щите над чикагским скоростным шоссе гласит: «Подумай, прежде чем мусорить/[плодиться]**». Довольно грубое выражение, подумала я, сперва истолковав его как совет по планированию семьи. Но если я правильно поняла доктора Пола Эрлиха, кампания против мусора преуспеет в достижении обеих целей, особенно в Чикаго. Миллионы голодающих в Азии не имеют по две машины, у них нет фабрик, которые сбрасывают отходы в озера, их самолеты не гудят столь оглушающе. Эрлих утверждает: «Рождение любого американского ребенка приносит в пятьдесят раз больше бед всему миру, чем рождение индийского ребенка. Если же вы возьмете потребление стали в качестве показателя общего потребления, вы обнаружите, что рождение каждого американского ребенка приносит в 300 раз больше бед всему миру, чем рождение индонезийского ребенка»².

На глобальном уровне ученые высказываются на разные лады, но ни у кого нет ясного решения. Это тот уровень, на котором мы вольны верить или не верить. Думаю, ученые не хотят, чтобы к ним относились как к ходячей рекламе с плакатом «Конец близок». Для них наше неверие – такая же проблема, как и наше легковерие. Следовательно, независимо от

---

* Английский термин «pollution» переводится на русский язык как «загрязнение» и «осквернение». Оба термина, различающиеся в русском языке по контексту словоупотребления (соответственно, светскому или сакральному), в равной степени важны для теоретических построений Мери Дуглас. Согласно ее базовой гипотезе, механизм символических процессов продуцирования грязи в обыденном понимании этого слова («загрязнение») произведен от механизма аналогичных символических процессов в сфере сакрального: порождения нечистого («осквернение»). За отсутствием русского слова, отражающего оба смысловых оттенка, мы используем термины «загрязнение» и «осквернение», руководствуясь смысловым контекстом. При этом во всех случаях речь идет об одном и том же понятии. – *Прим. ред.*

¹ Hicks John. A Theory of Economic History. London, 1969. P. 122-40.

** В оригинале – «Think before you litter». Английский глагол «litter» может означать как «мусорить», так и «плодиться». М. Дуглас обыгрывает эту двусмысленность. – *Прим. ред.*

² Ehrlich Paul. Listener. 30 August 1970. P. 215.

того, ложно их сообщение или истинно, мы вынуждены обратиться к основополагающим принципам достоверности (plausibility) как таковой.

Другим направлением мысли, с которым перекликаются отмеченные нами вопросы экологии, является классическая экономика. Озарение, пронизывавшее вдумчивые умы в XVIII веке и позже, состояло в том, что рынок – это система со своими собственными непреложными законами. Как оценить дерзость озарения, с помощью которого Рикардо выделил эту систему с ее гомеостатическими тенденциями? В наши дни и для этой аудитории я могу надеяться лишь обозначить тот трепет, который внушало созерцание сложности, могущества и даже чистой красоты системы, в которых она себя обнаруживает, через отсылку к открытию Хомским структурных свойств языка, потрясшим лингвистику. Но и это очень слабое сравнение. Примем во внимание, как мало политических решений связано с лингвистикой, по сравнению с экономической наукой. Во имя этой системы и ее непреложных законов многие добрые люди вынуждены были черстветь сердцем к положению бедных и безработных. Они были глубоко убеждены в том, что последовали бы куда большие страдания, если бы системе не позволили выработать надлежащие процессы. Точно так же восприняли систему экологи. В действительности вся их наука состоит в рассмотрении системы, вычислениях «на входе» и «на выходе» и оценке факторов, необходимых для достижения равновесия. Накал страстей в экологическом движении достигает апогея, когда анализ поднимается до уровня континентов или даже планеты в целом. Как и экономисты минувших дней, экологи нашли свое призвание в том, чтобы потребовать определенной платы в виде людских страданий во имя системы, которая, будучи выведенной из равновесия, обрушит на человечество невообразимые бедствия. Иногда это вопрос доставки воды за тысячи миль для ирригации пустыни. Экологи знают, как это сделать. Они могут с легкостью заставить пустыню цвести и принести тем самым пищу и жизнь голодающим людям. Они колеблются в части ответственности за последствия для тех земель, откуда вода была отведена. Их профессиональная совесть велит рассматривать систему как целое. Так же, как Рикардо сокрушался по поводу последствий законов о бедных в Англии, экологи, помимо своей воли, встали на негативные, даже реакционные позиции.

Экскурсы в область экономики и рабства позволяют несколько ограничить чрезмерно масштабную постановку проблемы доверия. Изучать, как верование возникает из взглядов в пользу или против ограничений – благодарный труд. Что лежит в основе этого – ограничение или контролируемая экспансия? Кто из нас склонен верить экспертам, которые предупреждают, что наша система ресурсов ограничена? А кто – оптимистично следует мнению, что мы пока не знаем, какие еще неизведанные ресурсы пролегают под землей, в море или даже в воздухе? Тот же вопрос о наших предубеждениях может быть поднят и о предубеждениях самих экспертов.

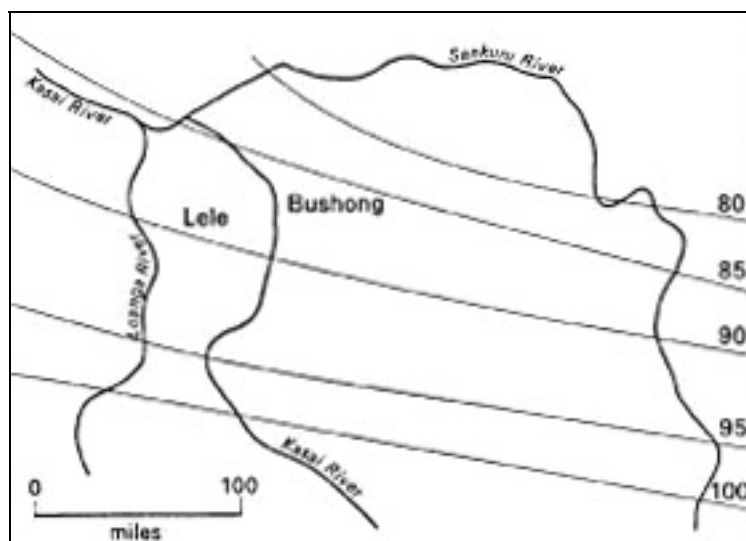
Феноменология, в моем понимании, занимается вопросом, что есть то, во что мы верим как в знание о реальности, и как мы приходим к этой вере. Антропологический подход к первобытной окружающей среде отличается от экологического. Экология заимствует из естественнонаучного дискурса объективные показатели и описывает в этих терминах воздействие системы культивации на почву, урожайность и т.п. Это связано с системой взаимодействующих физических факторов. Антрополог, если ему не посчастливилось иметь доступ к данным экологических исследований, должен сделать хотя бы грубую оценку этих факторов, чтобы затем сопоставить ее с представлениями первобытных людей об окружающей их среде. В этом смысле антропологическое исследование первобытной окружающей среды – феноменологическое изыскание. Каждое племя населяет свой микрокосм с собственными законами и особыми представлениями об опасностях, которые могут быть вызваны неосторожными людьми. Два племени могут инкорпорировать в свою картину мира одну и ту же окружающую среду совершенно по-разному – почти как если бы не существовало пределов числу соответствующих вариаций. Конечно, некоторые объективные ограничения должны иметь место. Тем не менее, если бы нам пришлось всецело полагаться на первобытные оценки, мы получили бы чудовищно несочетаемые картины реальных физических возможностей и ограничений.

К примеру, я работала в Конго, на левом берегу реки Касаи, среди народа *леле*. На другом берегу реки, где вскоре после этого работал мой друг Ян Вансина, жили *бушонг*. Два племени, обитавших в непосредственном соседстве друг с другом, отмечали свои холодные и теплые сезоны в противоположные дни календаря. Когда я впервые приехала в Африку, еще совсем неопытная, бельгийцы сказали, что я поступила мудро, приехав в холодный сезон: теплые дождливые сезоны покажутся новичку совершенно невыносимыми. На самом деле это было неподходящее время для визита, потому что все *леле* расчищали лес, сжигали сухие деревья, удобряли золой землю и затем сажали маис. Пока не наступили дожди и не закончился период тяжелой работы, ни у кого кроме престарелых и больных, не было времени поговорить со мной и научить меня языку. Изучив их язык лучше, я узнала о полном несоответствии европейских и туземных представлений о погоде. *Леле* считали короткий сухой сезон невыносимо жарким. У них были даже поговорки и правила, касающиеся того, как выдержать эту жару. К примеру, «никогда не бей женщину в сухой сезон, иначе она упадет и умрет от жары». Они томились, ожидая первых дождей как спасения от жары. Живущие на противоположном берегу реки *бушонг* разделяли мнение бельгийцев о том, что сухой сезон несет приятную прохладу, и страшились первых дождей. К счастью, бельгийцы сделали прекрасные метеорологические записи, и я поняла, что в терминах солнечной радиации, дневной и ночной температур, облачности и пр., строгие основания называть один сезон более теплым, чем другие, весьма незначительны³. Чего точно не любили европейцы, так это влажности сезона дождей и отсутствия облаков, ведь это подставляло их под прямые солнечные лучи. Во время сухого периода *леле* страдали от усиления теплового излучения из-за плотного слоя облаков. Они распознали и возненавидели знаменитый парниковый эффект, который, как нас уверяют, является следствием чрезмерного содержания углекислого газа в атмосфере. Но прежде всего распорядок *леле* требовал от них проделать всю сельскохозяйственную работу за один короткий, резкий рывок, во время сухого сезона. *Бушонг*, которые жили через реку, обладая более сложной сельскохозяйственной системой, усердно и неустанно трудились круглый год. Они также различали сухие и влажные сезоны, но они сходились во мнении с европейцами касательно относительной прохлады сухого периода. Как европейцы сформировали свои представления, ведь объективно сезоны очень слабо отличались друг от друга? Несомненно, сезоны получили свои названия, и их характеристики были зафиксированы в Леопольдвиле, столице, где измерения температур показали разницу между сезонами, которая не наблюдалась в глубине континента. В приведенном мною примере вера происходит из общественного уклада (social usage). Если бы *леле* смогли изменить свой распорядок, поменялось бы их восприятие климата. Но это привнесло бы в их жизнь и много больше. По сравнению с *бушонг*, они были более отсталыми в технологическом отношении. Другой график работы, распространяясь на календарь и охватывая все население, значительно улучшил бы эффективность использования окружающей среды. Но для такого фундаментального изменения им понадобилось бы создать другое общество.

Распорядок тесно связан с самой сутью проблематики феноменологии окружающей среды. Эндрю Беринг (Andrew Bering), изучая суданский народ, заметил, что их мифология полна династических кризисов, заговоров, смуты и революций. Всякий раз, когда недовольство достигает точки кипения в мифологическом цикле, воцаряется новый король. Свои административные способности новичок всегда демонстрирует именно путем изменения времени приема пищи. Затем недовольство угасает, и все идет хорошо до тех пор, пока не нарушается распорядок дня в королевском доме. В этот момент все опять готово для династического переворота, и взошедший на престол заново решает проблему с расписанием. Мрачные экологи пытаются убедить нас, что перед нами – своего рода бомба замедленного действия. Время уходит, говорят они. Каждый раз, когда я предлагала *леле* небольшие проекты капиталовложений, которые улучшат их охоту или сделают их дома более удобными, они всегда отвечали: «Нет времени». Распределение времени – это

³ Douglas Mary. The Lile, Resistance to change // Markets in Africa / Ed. by Bohannon and Dalton. Evanston, Ill., 1962. The author is grateful to Northwestern University Press for permission to reproduce Fig. 15.1 from Markets in Africa

критический фактор, обуславливающий управление данной окружающей средой. Действительно, временная перспектива, которой придерживается эксперт, определяет, каким будет решение технической проблемы. Следовательно, мы должны начать обсуждение того, как рождается вера, с решения проблемы временной перспективы.

Рисунок 1. Средняя длительность сухого сезона, в днях (F. Buetot. Saisons et Perodes Seches et Pluvieuses au Congo Belge. Brussels, 1954).

Среди вербальных орудий контроля время является одним из четырех главных арбитров. Время, деньги, Бог и природа – обычно в таком порядке – вот козырные карты для любого спора. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что наша пещерная прародительница слышала то же самое, когда хотела новую юбку или завтрак в постель. Сначала «нет времени», потом «мы в любом случае не можем себе этого позволить». Если она все еще подавала признаки желания, следовал ответ: «Бог не одобряет такие штучки». В итоге, даже если она набралась решимости наплевать на эти аргументы, в ход шел туз: «Это противоречит природе, более того, твои дети пострадают». Это сильное средство, когда один и тот же игрок, собрав все карты, может репрезентировать Бога и природу, одновременно контролируя распорядок и банковский счет. В этом случае временная шкала, представленная доминирующим игроком, всецело заслуживает доверия.

Признание того, до какой степени восприятие времени является результатом сделки между целями и средствами – только начало. Чтобы копнуть глубже, рекомендую прочитать небольшую книгу Джулиуса А. Рота «Расписания, формирующие течение времени в стационарном лечении и других родах деятельности»⁴. В ней описаны попытки пациентов, длительное время лежащих в больнице, получить хоть сколько-нибудь удовлетворительный ответ от своих докторов. Неизбежно и самопроизвольно конфликт интересов выливался в битву вокруг графика диагностики и лечения. С точки зрения пациента, вся его жизнь проходит в неопределенности, невозможно строить какие бы то ни было планы, и у него нет ощущения, что дело двигается вперед, пока не будет известно, когда он сможет отправиться домой. Его беспокойство концентрируется на пристрастном изучении истории болезни и графике лечения. В силу невозможности почерпнуть из них ключ к разгадке главных головоломок и отсутствия средств для усиления связи между ними пациент склонен рассматривать медицинские реалии сквозь призму «естественного» распорядка. «Я пробыл здесь уже шесть месяцев, доктор, к этому времени вы должны знать, требуется ли мне операция». «Месси отпустили после трех месяцев пребывания здесь – почему меня не

⁴ Roth Julius A. Timetables, Structuring the Passage of Time in Hospital Treatment and other Careers. New York, 1963.

могут?» «Хейтона выписали через три месяца после операции – почему я должен оставаться здесь четыре месяца?» Ответы врачей уклончивы. Они последовательно отвергают саму идею жестких сроков и борются за то, чтобы доказать несостоятельность культуры ухода за больными, потворствующей попыткам пациентов разработать четкую последовательность стадий, по которой они могли бы судить о компетентности врачей и течении своей болезни. Иногда, если врач не принимал эти спонтанно возникающие правила болезни и лечения, пациент выписывал себя сам, чувствуя, что основа обоюдного понимания потеряна.

Леле демонстрируют другой пример того, как расписание (*time-tabling*) используется в качестве орудия контроля. Они полагают, что могут вызывать дожди. Их методика контроля погоды – вовсе не танец, вызывающий дождь, и не магическое заклинание. Это то, что каждый может сделать самостоятельно, приблизить наступление сезона дождей. Вера в ее эффективность стала инструментом для взаимного принуждения. Случается, что неповоротливые фермеры умоляют других подождать, пока они не расчистят поле и не сожгут деревья. Пунктуальные фермеры предупреждают, чтобы те поторапливались, чтобы своими действиями не вызвать дождь. Я скептически относилась к этой методике, мне это напомнило факультетское начальство, которое сочиняет «дедлайны», чтобы ускорить принятие решения или заставить сотрудников ходить на цыпочках. «Поручиться можно только за студентов», – такова реакция, если мы переносим запланированное на следующее утро собрание. Много позже я узнала, что методика *леле* разрешения облаков дождем посредством дыма от горящей древесины может быть реально эффективной. Загрязнение воздуха может повысить конденсацию и осаднения влаги. Выяснилось что, в штате Индиана, в тридцати милях «по ветру» от дымовых труб сталелитейных заводов Южного Чикаго, выпадает на 31% больше осадков, чем в других местах, где воздух чище⁵. Я попала впросак, потому что контроль погоды *леле* оказался научно обоснованным. Однако для моего основного аргумента его эффективность нерелевантна. Суть в том, что время представляет собой множество управляемых границ. Время подобно остальным роковым элементам мироздания. Все вместе и каждый в отдельности – они являются орудиями социального контроля. Референция к их могуществу подкрепляет видение социальной системы. Их воздействие имеет вполне умеренные и консервативные формы, ведь чтобы прибегнуть к влиянию этих роковых элементов заслуживающим доверия образом, необходимо заведомо опираться на взгляды большинства касательно базовых вопросов общественной жизни. Доверие к той или иной аргументации так сильно зависит от морального единодушия сообщества, что едва ли будет преувеличением сказать, что само сообщество формулирует совокупность физических условий своего существования. Приведу два широко известных примера.

Во многих первобытных сообществах считается, что жены должны быть верны своим мужьям. По-видимому, женщины разделяют эту позицию, но они, вероятно, хотели бы добавить, что мужья также должны быть верны своим женам. Однако последняя поправка не находит искренней поддержки среди мужчин. Поскольку мужчины – главенствующий пол, чтобы подкрепить свой взгляд на половую мораль, им нужно в самой природе обнаружить закон, побуждающий женщин хранить целомудрие, обходя стороной мужскую неверность. Решение обнаруживается в опоре на естественную опасность, к которой восприимчива только женская психика. Так мы приходим к очень распространенному убеждению, что выкидыш – это следствие измены. Какое это мощное оружие: женщина, которую склоняют к адюльтеру, знает, что ее ребенок и ее жизнь подвергаются риску. Иногда ей внушают, что здоровье ее старших детей также под угрозой⁶. Эти атрибуты раскаяния, очищения и реабилитации сопутствуют виновной женщине в виде родовых мук. То, что она сделала, – против природы, и природа мстит.

Другой пример – воинственное племя американских индейцев – *шайенов*, которые полагают убийство соплеменника смертным грехом. Племя традиционно зависело от

⁵ *Aynsley Eric*. How air pollution alters weather // *New Scientist*. 9 October 1969. P. 51

⁶ *Douglas Mary*. *The Lele of the Kasai*, International African Institute. Oxford, 1963. P.51.

миграции стада бизонов, мясом которых оно питалось. Считалось, что бизоны никак не реагировали на убийство человека из другого племени, убийство как таковое не оказывало на них воздействия. Но братоубийца издавал отвратительный запах, который отпугивал стадо и таким образом подвергал риску жизненно важный ресурс племени. Эта угроза со стороны окружающей среды укрепляла легитимность особых санкций, ставящих убийцу вне закона⁷.

Когда убийство и измена рассматриваются как спусковой крючок бедствий, происходящих в физической реальности, представления первобытных людей на природу начинают трансформироваться в когерентные им принципы социального контроля. Они могут показаться кровожадными, но ведь и природа обнаруживает себя в моральной и мстительной форме агрессии. Она на стороне закона, материнства, братской любви и против человеческой злобы.

Когда я впервые писала об этой моральной силе в первобытной среде в своей книге «Чистота и опасность», я думала, что наше собственное знание физической реальности существенно иное⁸. Теперь я вижу, что ошибалась. Как только выясняется, что ученые не согласны между собой, мы вольны выбрать, к мнению кого из них мы будем прислушиваться, и наш выбор – предмет социологического анализа, подобного тому, который мы производим в отношении любого племени.

Мы полагаем, что в первобытных сообществах определенные группы людей можно отнести к загрязнителям окружающей среды. В разных племенах эти группы не совпадают. В некоторых социальных структурах загрязнители принадлежат к одному типу, в других – к другому. Представьте первобытную страховую компанию, которая вызвалась застраховать людей против риска подвергнуться обвинению в загрязнении окружающей среды. Их маркетологи и оценщики должны быть способны решить, какую максимальную цену запросить в каждой отдельной социальной системе. В некоторых сообществах определенно подлежат страхованию верховные обладатели эзотерических знаний, злоупотребляющие ими в собственных интересах. Страховые тарифы в адрес крупных операторов магии в Новой Гвинее или в отношении пронырливых старых многоженцев среди *леле* можно сравнить с нашим налогообложением крупного бизнеса, загрязняющего озера и реки и отравляющего детскую пищу и воздух ради коммерческих выгод. *Леле* разделяют сильное беспокойство других конголезских племен относительно своей численности. Они уверены, что вымирают по вине злых чар колдунов, направленных против плодородия женщин, и по причине недостатка младенцев. Они постоянно говорят, что их численность сократилась из-за зависти. «Оглянись, – сказали мне однажды по этому поводу. – Ты видишь людей? Ты видишь детей?» Я оглянулась по сторонам. Горстка детишек играла у наших ног, и несколько человек сидели вокруг. «Да, – сказала я. – Я вижу людей и детей». «Приглянись повнимательнее, – сказал он, раздосадованный тем, что я не уловила суть. – Здесь нет ни людей, ни детей». Его вопрос, заданный в риторическом стиле, подразумевал ответ «нет». Мне потребовалось много времени, чтобы научиться распознавать эту интонацию, которая должна была перевести наш диалог в такое русло⁹:

– «Оглянись вокруг! Ты видишь хоть кого-то из людей? Скажи мне, видишь?»

– Эмфатический ответ: «Нет!»

– «Ты видишь хоть кого-то из детей? Скажи мне, видишь?»

– Эмфатический ответ: «Нет!»

За этим следует ответ: «Это наш конец. Никого не останется, мы стремительно исчезаем с лица земли». По мнению моего собеседника, злые колдовские чары оказались столь же разрушительны, сколь разрушительна для нас наука, используемая вооруженными силами и бизнесом и связанная с химическим оружием и пестицидами.

⁷ Hoebel E.A.. The Cheyennes, Indians of the Great Plains. New York, 1960. P.51.

⁸ Douglas Mary. Purity and Danger. An analysis of Concepts of Pollution and Taboo. London, 1966.

⁹ Douglas Mary. Elicited responses in Lele language. Kongo-Overzee, 1950. xvi, 4, 224-7.

В обществе другого типа обвинение в загрязнении падает на бедняков и так называемых «людей второго сорта». К беднякам я отношу тех, кто, находясь ниже требуемого уровня достижений, не способен вступать в обмен дарами, услугами и гостеприимством. Они не только не допускаются к главным обязанностям и привилегиям гражданства, но и являются обузой для общества. Они – источник проблем для своих более состоятельных собратьев и живое опровержение любой современной теории о равенстве людей. В тех первобытных сообществах, где существует такая возможность, любые одолжения в адрес этих неудачников коробят их соплеменников. Зачастую их могут обвинить в ведовстве, и существует риск быть обвиненными в навлечении природных катастроф, от которых страдают другие люди. Так или иначе, от них необходимо избавиться, за ними должен вестись контроль, и нужно остановить увеличение их численности. Если вы хотите постичь на примере нашей культуры, как такие обвинения в ведовстве обретают правдоподобие, я рекомендую вам посетить конференцию профессиональных социальных работников. Вы услышите, как, снова и снова, они называют своих подопечных «неприспособленные» (non-coping), связывая это, как правило, с тем, что те наделены «неадекватными свойствами». В какой-то степени схожим образом в племени *мандари* покровители объявляют обездоленным людям, что те обладают наследственной тягой к колдовству, которая делает их порочными и завистливыми¹⁰. Тот факт, что они эмоционально травмированы, утверждает сограждан в узурпации гражданских прав и свобод в их отношении.

Что касается женщин, во всех этих сообществах и вообще везде, где доминирование мужчин является важной ценностью, они, как правило, обвиняются в том, что вызывают опасные загрязнения при вторжении в мужскую сферу одним своим присутствием. Я написала достаточно о «женском загрязнении» в «Чистоте и опасности».

Теперь становится ясно, что доверие к любой точке зрения на то, как поведет себя окружающая среда, оберегается моральной приверженностью общества к определенной группе социальных институтов. Ничто не поколеблет их веру, если поддерживаемые ею институты не утратили свою лояльность. Нет ничего легче, чем изменить верованиям (в одночасье!), если институты потеряли поддержку. Если мы сможем создать законченную классификацию типов людей и видов поведения, которые загрязняют первобытный микрокосм, мы выполним экологическое упражнение. Выяснится, что картина мира и конкретный тип общества носителей этой картины тесно связаны между собой, они образуют единую систему. Одно не может существовать без другого. Первобытные племена, поклоняющиеся своим мертвым предкам, зачастую эксплицитно осознают, что каждый их предок существует лишь до тех пор, пока в него верят. Когда отмирает культ, предок теряет достоверность*. Он постепенно растворяется, не будучи способен вмешаться, гневно наказать или щедро наградить. Мы должны заимствовать эту догадку и распространить ее на любую известную нам среду, существующую как структура осмысленных различий. Поскольку она познаваема исключительно через приписываемые ей силы и ориентированное на них практическое действие, и поскольку эти силы вызваны к жизни посредством техник взаимного контроля, эта окружающая среда так же преходяща, как и любой предок. До тех пор, пока выделенная (limited) социальная реальность и локальная физическая среда сцеплены друг с другом через единство опыта, обе они обладают совершенной достоверностью (credibility). Но когда общество распадается и отдельные голоса заявляют о своем праве на знание о тех или иных экологических ограничениях, возникает проблема доверия.

---

¹⁰ Buxton Jean. Mandari Witchcraft // Witchcraft and Sorcery in East Africa. Ed. by John Middleton and Edward Winter. London, 1963.

* В некоторых случаях мы вынуждены переводить центральный для данной работы термин «credibility» (доверие), как «достоверность». Это связано с тем, что М. Дуглас по ходу рассуждения постоянно разворачивает аналитическую перспективу «внутрь». То, что извне выглядит как проблема *доверия*, изнутри представляется вопросом *достоверности*. Эта двойная герменевтика в исполнении М. Дуглас опирается на полисемантическую природу ряда ключевых английских терминов. – *Прим. ред.*

В этом месте я должна развеять некоторые возможные заблуждения. Я попыталась избежать примеров, которые можно трактовать в духе мошенничества и конспирологии в отношении того, как окружающая среда конструируется в сознании людей. В действительности невозможно, чтобы одна группа надувала другую по поводу того, к чему тяготеет природа и что идет с ней вразрез. Я определенно не имею в виду, что страх перенаселения планеты распространяется раздраженными владельцами машин из пригородов, которые хотели бы расчистить проезд из Суррея в Сити. Я не стану намекать на то, что жители южного побережья пробивают законопроект по контролю над рождаемостью, потому что знают, что надежды законодательно запретить летние толпы на побережье нет. Только личный опыт может заставить их внять тем демографам, которые наиболее пессимистичны относительно роста населения, и игнорировать их оптимистичных коллег. Конечно, мужчинам из племен *леле* и *шайенов* удобно проповедовать, что физиология детей и диких бизонов находится в тесном соответствии с нравственными особенностями ситуации. Но никто не может навязать свою оценку природы с точки зрения нравственности человеку, который не разделяет тех же нравственных предпосылок. Если бы жены *леле* не верили в супружескую верность как часть социального порядка, они бы более скептически относились к идее, которая так устраивает их мужей. Именно потому, что *шайены* убеждены в гибельности для племени убийства внутри него, они верят, что бизоны чувствительны к его запаху. Именно общая приверженность к ряду социальных установок делает правдоподобными догадки об отклике природы.

Существует и другое заблуждение относительно распознавания истинных и ложных идей об окружающей среде. Я снова предлагаю вам взглянуть на предмет обсуждения в духе научной фантастики. Ученый познает истину, объективные данные о природе. Человеческое общество вкладывает в эти открытия социальный смысл и конструирует систематическое и темпорально-упорядоченное представление того, в каком взаимодействии находятся человеческое поведение и природа. Но, боюсь, если ученые надеются в один прекрасный день установить истину, систематический и объективный взгляд на такое взаимодействие – это иллюзия. Точно так же не стоит полагать, что общественные страхи относительно загрязнения когда-либо будут базироваться исключительно на научных данных и полностью избавятся от груза социальных и моральных убеждений. Мы не можем надеяться выработать такое представление о нашей окружающей среде, в рамках которого идеи загрязнения будут фигурировать исключительно в строго научном смысле, и ни одна из них не окажется ложной в этом строгом смысле. Представления о загрязнении, которые, тем не менее, появляются – необходимая опора социальной системы. Как бы еще люди смогли побудить друг друга сотрудничать и вести себя должным образом, если бы не угроза со стороны времени, денег, Бога и природы? Эти моральные императивы возникают из социальных связей. Они задействуют видение окружающей среды, чтобы поддержать социальный порядок. Как нормативные принципы они выполняют функцию адаптации. Каждое общество адаптируется к своему окружению точно такими же средствами. Убеждая друг друга, что нет времени, что это нам не по карману, что Бог не любит этого и что это противоречит природе и наши дети пострадают, мы приспособливаем наше общество к своему окружению, а окружающую среду к нам самим. В этом процессе наши физические возможности ограничены и простираются то так, то иначе, поэтому это – настоящее экологическое взаимодействие. Концепции времени, денег, Бога и природы выполняют для человеческого общества адаптивную функцию, которая, в невербальной форме (по-иному, но, вероятно, сходным образом) реализуется в сообществах животных.

Я уже говорила про представления о загрязнении, используемые людьми в качестве средства контроля для самих себя и других. В свете этого они представляются орудием или инструментами. Однако предмет обсуждения имеет и другой фундаментальный аспект. Идеи о загрязнении окружающей среды черпают свое могущество из нашего склада ума. Невозможно в рамках данной статьи описать познавательный процесс, с помощью которого индивид вырабатывает ряд ожиданий и устанавливает правила, которыми руководствуется в

своим поведением. Вера, что существуют определенные правила и что последующий опыт зависит от того, следуют им или нет, лежит в основе социальных связей. Существует несколько потрясающих экспериментальных работ, посвященных этому аспекту поведения, выполненных американскими социологами. Хотя данные нашего опыта и наши заключения всякий раз могут быть ошибочными, мы предполагаем, что имеем законосообразную, стабильную среду. Мы ожидаем, что, постигнув ясный и удовлетворительный свод правил, все, что нам известно, может быть оставлено на долю принципа *et cetera*. Принцип *et cetera* подобен автопилоту, который, будучи единожды настроен, держит курс. *Etcetera, etcetera*. Обнаружение работающего правила удовлетворяет нас, поскольку позволяет перевести все больше машин на автопилот. Открытие целой системы, которая работает, просто потрясает, потому что она предлагает еще более грандиозное спасение от болезненных ошибок *ad hoc*. Отсюда эмоциональный ответ на открытие, что рыночные цены подчинены системе или что язык или мифология обнаруживают систематический элемент.

Глубочайшая эмоциональная основа всех этих построений состоит в предположении, что существует подчиняющаяся правилам вселенная и что эти правила объективны и независимы от общественного признания. Следовательно, наиболее одиозные осквернения – те, которые угрожают системе в ее интеллектуальном основании. Сама по себе система зиждется на ряде неизменных классификаций. В антропологии широко известен случай с девочкой-эскимоской из Лабрадора, которая упорно ела мясо северного канадского оленя уже после того, как началась зима¹¹. На наш взгляд, это обыкновенное нарушение поста. Однако по единодушному вердикту ее поступок был признан тяжким преступлением, и она была изгнана в середине зимы. Дело в том, что фундаментальной категорией общества эскимосов было различие двух сезонов. Люди, рожденные зимой, отличаются от людей, рожденных летом. Каждый из двух сезонов имеет особый способ ведения домашнего хозяйства, особую сезонную экономику, отдельную судебную практику, почти другую религию. Упорядоченность эскимосской жизни зависит от соблюдения обычаев, связанных с каждым сезоном. Снаряжение для зимней охоты хранится отдельно от летнего снаряжения, летние жилища зимой спрятаны. Зимой никто не может дотронуться до шкуры животного, который считается летним зверем. Как заметил Марсель Мосс, «даже в желудке верующего человека лосось, летняя рыба, не должна смешиваться с морскими животными, используемыми в пищу зимой»¹². Пройгнорировав эти различия, девочка совершила преступление против фундаментальной основы социальной системы. Причиной приговора к смерти от переохлаждения было отнюдь не невнимательное отношение к категориям мышления. Она должна была умереть, потому что совершила опасное осквернение и тем самым подвергла риску всех остальных. Строгая категоризация и жестокое наказание за отступление от идеалов контрастируют с эскимосским жизненным опытом прошедшего тысячелетия. Перед нами цивилизация, которая отчетливо увидела то, что, весьма вероятно, уготовано и для нас: медленное, но верное ухудшение состояния окружающей среды. Отреагируем ли мы, в свете надвигающегося рока, в строгом соответствии с буквой устаревшего закона, реализуя принципы, утратившие адекватность нашей интеллектуальной системе? Вполне возможно, что подобно эскимосам мы сконцентрируемся на уничтожении и контроле за загрязнителями. Можно было бы, наверное, по-новому взглянуть на окружающую нас среду, что было не по силам эскимосам с их уровнем научного развития. При этом в нашем распоряжении отнюдь не только научное развитие. У нас есть шанс понять наше собственное поведение.

Изучение идей о загрязнении дает нам следующее: страхи загрязнения, будучи приняты за чистую монету, скрывают от нашего внимания другое зло и другие опасности. Возьмем, к примеру, проблему перенаселения. Прямолинейная реакция на страхи

¹¹ Hoebel E. A. The Law of Primitive Man: A study in Comparative Legal Dynamics. Harvard, 1954.

¹² Mauss M. and Beuchat M.H. Essai sur les variations saisonnières des sociétés Eskimos // L'Année Sociologique. № 9. (1904-5). P. 39-132.

осквернения, связанные с перенаселением, предполагает, что мы должны пытаться строго контролировать численность населения. Решение проблемы формулируется в невообразимых механических терминах. Она свелась к обеспечению доступности противозачаточных средств и распространению соответствующей информации. Поначалу готовность людей пользоваться этими средствами воспринимается как само собой разумеющееся, но вскоре больницы сообщают об апатии, легкомысленности, неопределенности и отсутствии согласия между мужьями и женами. Тогда акцент переносится с добровольных средств к таким техническим методам, как стерилизация или принуждение с опорой на закон. Мы практически возвращаемся к «Подумай, прежде чем мусорить/[плодиться]» и насильственным методам, используемым для контроля популяций животных. Однако поинтересуемся мнением биологов. Работа Винн-Эдварда о популяциях животных содержит назидание, в том числе и для демографа¹³. В некоторых человеческих обществах социальные факторы поддерживают добровольный контроль численности семьи. Не все племена допускают неограниченное расширение своей численности. Нельзя игнорировать тот факт, что мировая демографическая проблема – проблема в терминах Мы/Они. Уже во времена Рикардо это были именно Они, рабочие, чья неосмотрительная плодовитость создала дополнительную нагрузку на ресурсы, пока Мы, богатые, надеялись размножаться более осторожно. И сегодня именно Мы, богатые нации, грозим пальцем Им, бедным нациям, с их астрономическим темпом годового прироста. Кое-где социальная проблема, связанная с распространением престижа и власти, лежит в основе голых демографических фактов. Давайте не будем забывать уроки, которые мы почерпнули из биологии и антропологии.

По сути, идеи о загрязнении способствуют адаптации и защите. Они защищают социальную систему от неприемлемого знания. Они защищают систему идей от вызовов и угроз. Эти идеи лежат в основе классификации. В конечном счете, любая форма знания зависит от принципов классификации. Но эти принципы возникают из социального опыта, являются опорой данного социального образца и, в свою очередь, сами подкрепляются им. И если это основание социальной жизни оказывается серьезно расшатано – риску подвергается само знание.

В известной степени явный риск, которому подвергается окружающая среда, – средство отвлечения внимания. Разумеется, экологи смотрят в пропасть. Но по другую сторону под нами устрашающе разверзается иная бездна. Это – террор интеллектуального хаоса и слепой паники. Загрязнение – всего лишь темная сторона платоновского благородного вымысла¹⁴, на котором должно зиждиться общество: это – другая половина необходимого злоупотребления доверием. Мы должны понять, что бессмысленно мечтать о таком обществе, в котором мы бы верили исключительно в реальные, научно подтвержденные опасности загрязнения. Мы *должны* с тревожным трепетом говорить о времени, деньгах, Боге и природе, если хотим, чтобы хоть что-то работало. Мы должны верить в естественные пределы и границы, которые выстраивает наше общество.

Здесь мы возвращаемся к нашей параллели с классическими экономистами и аболиционистами. Хорошо бы узнать, кто из наших экспертов тяготеет к ограничительному подходу к окружающей среде, убежденный в том, что время, деньги, Бог и природа противятся изменениям, а кто склоняется к политике экспансии. Нетрудно понять, почему обыватели не видят дальше своего носа. Обыватель склонен уподоблять глобальные планетарные проблемы своим текущим заботам. Его горизонт ограничен его задним двором. Для ученого существует еще и другой источник предубеждений. Понимать систему – любую систему – радостно само по себе. Чем больше о ней известно, чем лучше специалист ориентируется в ее лабиринтах, тем страшнее в его глазах угрозы нарушения естественного порядка, проистекающие из невежества. Специалист, таким образом, вкладывает эмоции в

¹³ Wynne-Edwards V.C. Animal Dispersion in Relation to Social Behaviour. Edinburgh and New York, 1962.

¹⁴ Plato. The Republic. Paras 376-92 / Linadae translation. Everyman

собственную систему. Как отметил профессор Кун в «Структуре научных революций»¹⁵, ученые редко меняют свои взгляды, они просто уходят на пенсию или умирают. Если и можно рассчитывать на решение фундаментальных проблем, то лишь с периферии профессии, со стороны дилетантов или из пограничных областей, где встречаются две или три дисциплины. Это обнадеживает. В долгосрочной перспективе, если она существует, пока человек с улицы не выбрал нарочито пессимистический и рестрикционистский взгляд на любую экологическую проблему, он может ждать и наблюдать. Научный истеблишмент имеет свою собственную структуру стабильности и проблематизации. Наша ответственность как обывателей и как социальных ученых – проникнуть вглубь источников наших предубеждений. Предположим, мы действительно обречены на худший из прогнозов экологов. Как мы себя поведем?

Наша самая тяжкая проблема – недостаток морального консенсуса, который обеспечивает доверие предупреждению об опасности. Отчасти это объясняет, почему мы так часто не принимаем экологов во внимание. В то же время из-за недостатка ясных разграничительных принципов опасности загрязнение чересчур легко вгоняют нас в панику. Общность обеспечивает достоверность (*credibility*) собственной окружающей среды. Вне общности есть только бесформенные горы мусора, отравленная вода и воздух и застланные глаза, не способные увидеть горизонт. Проникая через все органы чувств, загрязнение разрушает наше благоденствие. Нас подстерегают ведьмы и черти. Любая первобытная культура отбирает те и другие опасности, вызывающие страх, и возводит границы, чтобы контролировать их. Она позволяет людям сосуществовать с сотней других опасностей, которые могли бы запугать их. Разграничительные принципы заимствуются из социальной структуры. Общество без структуры обрекает нас молиться на каждый столб. Поскольку все вуали сорваны – уже нет ничего истинного и ложного. Торжествует тотальный релятивизм. Я и сама попыталась сорвать вуаль с некоторых вещей. Мы принимали то одну точку зрения, то другую, наблюдали первобытное общество изнутри и снаружи, видели самих себя – с позиции ученых и глазами антрополога с Марса. В этом – призыв к полному самосознанию, ставка века. Мы обязаны принять ее. Но, принимая ее, мы должны отчетливо понимать, что расплатой будет «Голый завтрак»¹⁶ Уильяма Берроуза. В тот день, когда каждый сможет в точности увидеть, что на другом конце вилки, не будет ни осквернения, ни чистоты, ничего съедобного и несъедобного, заслуживающего доверия и невероятного, потому что исчезнут классификации социальной жизни. Нет больше смысла. Меланхоличное безумие и мистический экстаз – эти два настроения, размывающие границы, не могут принять другой вызов нашего времени. Вызов в том, чтобы распознать в каждой окружающей среде покров и опору определенного типа общества. Именно ценность этой социальной формы нуждается в нашем внимательном изучении, и это так же ясно, как чистота молока, воздуха и воды.

*Перевод с английского Данары Чурюмовой
Под редакцией Дмитрия Куракина*

¹⁵ Kuhn T.S. The structure of Scientific Revolutions. Chicago, 1962.

¹⁶ Burroughs William. The Naked Lunch. New York, 1962; London, 1965.